

ФИЛОСОФИЯ И ЭТИКА ПРАВА

В. И. Пржиленский*,
В. Д. Лаза**

Коммуникативная теория общества: социально-технологические и правоприменительные контексты¹

***Аннотация.** В статье рассматривается причинно-целевой комплекс возникновения и эволюции коммуникативной теории общества как теории, позволяющей не только прогнозировать развитие общества, но и управлять социальными процессами. Правоприменение в целом и уголовный процесс в частности сформировались задолго до появления этой теории. Но после теоретического описания общества как вида коммуникации были созданы условия подлинно научной технологизации уголовного судопроизводства: по сути, вся теория права была перестроена с учетом нового понимания феномена социальности. Сегодня, в век тотальной цифровизации социальных и правовых и правоприменительных практик, по-новому актуализируется тематика истоков коммуникативной теории общества.*

В статье анализируются ключевые элементы социально-философской концептуализации общественных процессов и явлений, сравниваются модели общества, предложенные О. Контом и К. Марксом, в работах которых содержались условия презентации общества в качестве реальности. Обосновывается тезис о том, что предложенные двумя теоретиками альтернативные способы объяснения общественного развития — как функции «знания» или как производной от «общественного производства» — в равной степени зависят от понимания человека как «совокупности социальных отношений». Особое внимание уделяется новым возможностям, открывшимся перед теоретиками и философами в объяснении природы и функций права в связи с созданием коммуникативной теории общества. В статье показывается

¹ Работа выполнена в рамках исследования «Трансформация основ уголовного судопроизводства в условиях развития цифровых технологий: концепции социальной технологии, доказывания и обеспечения прав участников процесса» при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований 18-29-16041. МК.

© Пржиленский В. И., Лаза В. Д., 2019

* Пржиленский Владимир Игоревич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) vladprnow@mail.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

** Лаза Валентина Дмитриевна, доктор философских наук, профессор кафедры мировой культуры Московского государственного лингвистического университета laza69@mail.ru

119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

принципиальное различие в понимании права в эпоху, предшествующую развитию социологии, и во времена активного взаимодействия теоретиков права с сообществом философов и социологов. Реконструируется набор онтологических допущений, позволяющих рассматривать право как «механизм воспроизводства общих условий существования общества» и делающих возможным включение системы права в систему общественных отношений в качестве подсистемы.

Ключевые слова: общественное отношение, социальная реальность, коммуникация, право, система, управление.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.98.1.035-044

Определение общества как одного из видов коммуникации еще недавно казалось революционным и даже провокационным. Настолько естественными и несомненными выглядели дефиниции, в которых в качестве родового понятия для социума предлагались то «система действий», то «система отношений», то вообще «группа людей». Сегодня коммуникативная теория общества уже считается вполне уважаемой и никто не ставит под сомнение рассуждения о коммуникативной природе социального. Между тем коммуникативный подход имеет гораздо более древнее происхождение, чем об этом думают. Уже в древнегреческой философии коммуникативный аспект социального бытия был определен и осмыслен как фундаментальный. Еще Аристотель рассуждал об обществе как о виде коммуникации, хотя само понятие общества и в античной, и в средневековой мысли еще не было отделено от понятия государства. Потому он и начинал свой знаменитый трактат «Политика» со слов о том, что «...всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо)... это общение и называется государством или общением политическим»².

Возникающий здесь вопрос о том, почему все-таки речь у Аристотеля идет не об обществе, а о государстве и почему сегодня эти понятия столь различны, закономерен. Тем более что слово «общество» в древнегреческом языке присутствует (κοινωνία). Но означает оно не «совокупность всех способов взаимодействия и форм объединения людей, в которой выражается их всесторонняя зависимость друг от друга», как предлагает определять понятие общества Новая философская энциклопедия³. И даже не «совокупность людей, объединенных исторически обусловленными социальными формами совместной жизни и деятельности», как определяется значение этого слова в Новом толковом словаре русского языка⁴. Нет, слово «общество» в древнегреческой повседневной речи употреблялось либо в значении добровольного объединения людей ради общей цели, либо для именованя тех, кто собрался вместе и проводит время в разговорах и обсуждениях.

Упомянутый вторым смысл слова «общество» сохранился и по сей день в русском языке, когда, например, говорят о том, что «в обществе своих коллег» неудобно заводить разговоры на такую-то тему. Тем более неожиданно, что именно он лег в основу философского понимания природы общества, что нашло свое отражение в Современной философской энци-

² Аристотель. Сочинения : в 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 376.

³ Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2010. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH985c392099c0406b945098> (дата обращения: 20.03.2018).

⁴ Современный толковый словарь // URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-8653.htm> (дата обращения: 20.03.2018).

клопедии, где общество в узком смысле слова определяется как «генетически и/или структурно определенный тип — род, вид, подвид и т.п. общения, предстающий как исторически определенная целостность либо как относительно самостоятельный элемент подобной целостности»⁵. Признание данного определения самым точным и последним, что следует из его квалификации в качестве «узкого смысла слова», является косвенным свидетельством того, что и в отечественной философии коммуникативная теория общества оказалась доминирующей, оттеснив прежние марксистские, функционалистские и позитивистские подходы.

В основе всех философских определений общества лежит убежденность в том, что это особый вид реальности, подчиняющийся своим собственным законам и требующий для изучения особых средств и методов познания. Другими словами, общество — это особый феномен, заслуживающий выделения знания о нем в отдельную науку, потому что общество порождает явления особого рода, которые требуется отличать от явлений физических, биологических или же духовных. Эта убежденность вызревала на протяжении всего XVIII в., когда просветителями была поставлена задача переустройства социальных институтов «на началах разума». Драматический опыт череды революций, потрясший сознание европейцев, показал, что для переустройства общественного уклада «на началах разума» недостаточно созданной еще гуманистами на исходе Средневековья исторически первой безрелигиозной этики. К этике необходимо было приложить еще и определенные знания об устройстве общественной жизни, понимание механизмов регуляции межличностных взаимодействий и коллективных действий. Это знание должно было отвечать тем же условиям, что и знание о природе, пришедшее к европейцам вместе с научными открытиями Галилея и Ньютона, Бойля и Пастера.

Развитие естественных наук в Новое время породило знание, пригодное к технологическо-

му применению, и авторы проектов социальных преобразований надеялись получить от науки нечто подобное. В этих условиях созрела идея особой науки об обществе, главной задачей которой изначально являлось такое его описание, которое помогало бы эффективно им управлять, а при необходимости изменять. Тезис Карла Маркса о том, что «философы лишь различным образом объясняли мир; но дело заключается в том, чтобы изменить его»⁶, как нельзя лучше передает смысл этого устремления, общего для самых разнообразных европейских мыслителей, стоявших у истоков современной социальной философии и способствовавших возникновению на ее основе специальной науки — социологии.

Таким образом, можно констатировать два разных начала, или два альтернативных вектора, становления теории общества. Первое начало теории общества идет от веры в возможность познания вещей такими, каковы они есть, то есть познания общества как объективной и независимо от человека существующей реальности. Результатом этой веры оказывается провозглашение принципа объективности, играющее ключевую роль в установке ученых на описание социальных процессов и явлений при помощи «безоценочных» высказываний, протокольных предложений и т.п. И хотя возможность абсолютно объективного знания в сфере социогуманитарных наук сегодня все чаще и все более аргументированно ставится под сомнение, а на смену самому концепту объективного все увереннее приходит концепт интерсубъективного, объективность как идеал познания сохраняет свое нормативное и эвристическое значение. Тем не менее вторым важным вектором развития является ориентация на применение знания в утилитарных целях. Прагматический интерес познания, формирующий его направление, не делает получаемое знание субъективным, но влияние этого интереса на его структуру и содержание нельзя не учитывать. Сторонников первой позиции называют объективистами или реалистами, а сторонников второй — конструк-

⁵ Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2010. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH985c392099c0406b945098> (дата обращения: 20.03.2018).

⁶ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. М., 1955—1981. Т. 3. С. 4.

тивистами или инструменталистами, потому что для них получаемые знания являются скорее инструментами действия, чем отражением реальности. Исходя из этого различия можно по-разному оценить и стратегии теоретического описания социальных явлений, и способы концептуализации социального.

К определению общества как коммуникации философы и социологи подошли с весьма существенным историческим багажом — почти два столетия теоретики бились над проблемой выделения первоэлемента социума. И в качестве такового предлагали то человека, то его действия, то отношения между людьми. Определение общества как группы людей и сегодня нередко встречается в социогуманитарных науках, таких как юриспруденция или экономическая география, но только не в философии и не в социологии, где отделение общества как некой системы или некоего процесса от составляющих его индивидов становится обязательным и неизбежным. Данные определения выглядели бы слишком архаичными или избыточно метафорическими. Примером такого и архаического, и метафорического определения может послужить определение, данное английским философом-моралистом И. Бентамом. «Общество, — писал И. Бентам, — есть фиктивное тело, составленное из индивидуальных личностей, которые рассматриваются как составляющие его члены»⁷.

Кажется, что не очень далеко ушел от представленной позиции и основоположник социологии, а также родоначальник позитивистского направления в философии О. Конт, который утверждал, что «общество — это органическое единство всего человечества, связанного общим согласием, характеризующееся согласованностью функций всех его структурных элементов»⁸. Однако уже здесь отчетливо видны контуры понимания общества как структурированной и функциональной системы, элементами которой являются не люди, а структуры и институты, в основе которых лежат действия, отношения, значения. В позитивистской философии мож-

но найти объяснение этого шага, приведшего к возникновению социологии как строгой науки. Позитивисты объявили высшей эпистемической ценностью точное, строгое и применимое на практике знание, каковым в XIX в. могло считаться только знание, полученное такими науками, как физика и химия. Отсюда вполне логично вытекает желание сделать науку об обществе столь же строгой, точной и ценной с практической точки зрения. Первые шаги в этом направлении — подражание физики и, как следствие, поиски законов, позволяющих не только объяснять, но и прогнозировать социальные процессы и явления.

«Открытый» О. Контом закон трех стадий исторического развития общества, несомненно, уступает физическим и химическим законам по степени математизированности. Физические и химические законы позволяют, имея математические описания прошлого и настоящего, рассчитывать будущее. Но закон трех стадий в случае его применения к историческим сведениям способен существенно изменить всю картину исторического повествования, внести в нее типологии и классификации, а также подчинить единому принципу исторический ход событий. И начинать предсказывать будущее, утверждая, например, что все народы рано или поздно уподобятся европейцам и перейдут от метафизической стадии развития к позитивной. Это относится и к тем народам, которые оказались к моменту рассмотрения на теологической стадии развития, но они перейдут к стадии научного объяснения не так скоро, потому что им не миновать полного цикла стадийного развития и перехода к промежуточной метафизической стадии.

Таким образом, социология в версии ее создателя приблизилась не к физике, а всего лишь к биологии, которая и сегодня по степени и глубине математизации наименее развитая из естественных наук, что не позволяет тем не менее ставить под сомнение ее позитивный характер. Поэтому точно так же, как биолог «пред-

⁷ Бентам И. Введение в основание нравственности законодательств // Избранные сочинения Иеремии Бентама. СПб., 1867. Т. 1 : Введение в основания нравственности и законодательства. С. 319.

⁸ Конт О. Курс позитивной философии. Ростов н/Д, 2003. С. 36.

сказывает» появление из личинки куколки, а из куколки бабочки, социолог прогнозирует смену фаз, а с ними и характерных черт развивающегося общества. Не случайно появление этой теории совпало с весьма существенными переменами в колониальной политике Французской империи, которая в XIX в. начала заботиться об организации образования коренного населения и о других средствах приобщения африканцев и азиатов к европейской культуре. Прежнее мнение о природной неспособности неевропейских рас и народов к развитию и прогрессу уступило место идее нахождения этих рас и народов на разных стадиях общественного развития. Мировоззрение, основанное на расизме, сменилось европоцентристской картиной мира, что позднее будет названо формационным подходом в социогуманитарном познании. Это было отражением изменений в представлении о причинах превосходства одних народов над другими. Даже Гегель, считавший развитие фундаментальным свойством народов и государств, делил все народы на всемирно-исторические и остальные. Так, в своих лекциях Г. Гегель предлагает «обратить внимание на те естественные свойства стран, которые раз навсегда исключают их из всемирно-исторического движения: таких стран, в которых развиваются всемирно-исторические народы, не может быть ни в холодном, ни в жарком поясе. Ведь пробуждающееся сознание сперва является только в природе, и всякое его развитие является рефлексией духа в себе в противоположность естественной непосредственности»⁹.

Гегельянская точка зрения опровергается теорией стадий общественно-исторического развития О. Конта, согласно которой каждому народу предстоит достичь тех же высот и так же войти в историю, но только позже, нежели народы, вступившие на путь развития ранее или развивавшиеся быстрее. Разумеется, теория стадийных изменений — это еще не технология, но ее влияние на колониальную политику говорит о несомненном технологическом значении социально-философского теоретизирования.

В еще более отчетливом виде все вышесказанное можно обнаружить в концептуализации социального, произведенной Карлом Марксом. Он, как и О. Конт, искал исторические закономерности, надеясь предсказать будущее. Вместе со своим соавтором Ф. Энгельсом он искал также средство, дающее возможность влиять на будущее исходя из знания о нем. «Общество, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу»¹⁰. Это утверждение позволяет понять внутреннюю логику развития социально-философского знания, где важно понимание внешнего, «надстроечного» характера социальной системы. Между тем и сам человек определен в марксизме как совокупность всех общественных отношений, что позволяет рассматривать общество как феномен, полностью объясняющий человека и позволяющий выстроить стратегию управления последним.

В то время как О. Конт видел пользу от нового знания в совершенствовании на его основе деятельности институтов и работы управленческих структур, К. Маркс видит назначение собственной теории общества в том, чтобы изменять мир более радикально. Созданная им концепция, названная «историческим материализмом», может претендовать на статус теоретического обоснования и отчасти практического руководства по осуществлению революций. Именно так эту теорию и восприняли некоторые последователи идей К. Маркса, справедливо полагая, что марксизм не является догмой, а выступает как руководство к действию. С позитивистской теорией общества марксизм сближают масштабы и историзм. Обе теории рассматривают социальную реальность макроуровня, в которой общество страны целиком становится объектом действия исторических законов. Микроуровень рассматривается только как пример для иллюстрации того, как на отдельные части общества проецируются общие для всей системы изменения. Социологи заинтересуются индивидами и межиндивидуальными взаимодействиями

⁹ Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб., 2000. С. 127.

¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1. С. 214.

позднее, что позволит сделать применение социальных технологий более индивидуальным, а последствия их использования менее революционными и разрушительными.

Не все теоретики согласятся с утверждением, что учение К. Маркса — это технология, пусть и социальная. В своей критике концепции классовой борьбы многие критики марксизма подчеркивали квазирелигиозные черты самой идеи борьбы за освобождение рабочего класса и в подтверждение нередко приводили свидетельства распространившейся в среде большевиков артикуляции собственных взглядов в терминах веры, верности, жертвы и т.п. Так, например, выяснилось, что профессиональные революционеры, а позднее не менее профессиональные агитаторы и пропагандисты чем-то удивительно напоминали служителей культа. Эти пропагандисты и агитаторы, коих в СССР специально готовили для того, чтобы они «вдохновляли» рядовых бойцов и трудящихся на подвиги и в военное, и в мирное время, активно использовали такие словосочетания, как «верность делу Ленина», «вера в революцию», «необходимость самопожертвования ради грядущих поколений» и т.п. Да и подмеченное публицистами сходство торжественных ритуалов коммунистического прошлого с церковными обрядами и священнодействиями добавляла аргументов тем, кто считал практику построения социалистического общества насквозь иррациональной и абсурдной.

Между тем социально-технологическая точка зрения позволяет взглянуть на обращение к религиозным практикам как к уже давно сформированному и надежно апробированному способам мобилизации чувств и побуждений, посредством которых можно добиться интеграции эмоциональной и рациональной сфер индивидуального и коллективного сознания или же, напротив, в «нужном месте» и в «нужную минуту» заглушить контролируемые извне эмоциями доводы разума. Но эта технология применялась не одними лишь сторонниками идей К. Маркса — пробуждение религиозных или квазирелигиозных чувств характерно для применения в секуляризованном обществе любой идеологии, будь то идеология коммунизма, национализма, либерализма или же

консерватизма. Более того, произошедшая в последние десятилетия «встреча» социальной технологии, основанной на идеологии, с традиционным исламом породила нечто совершенно новое, сегодня называемое исламизмом или религиозным экстремизмом.

Учение К. Маркса об обществе дает нам представление о его истории как о результате деятельности некоего социального механизма, порождающего, несмотря на все многообразие случайных обстоятельств, отнюдь не случайные явления, которые выступают как закономерные следствия вполне определенных и столь же закономерных причин. Онтология исторического материализма позволяет с самого начала говорить об обществе как об объекте применения социальных технологий и все его исследование, как и исследование его истории, несомненно, подчинено этой цели. Собственно, и вся предшествующая традиция накопления сведений о прошлом явно или неявно предполагала в качестве одной из главных целей обретение некой особой мудрости, позволяющей не повторить ошибки прошлого и, наоборот, скопировать успешный опыт и растиражировать его в собственной деятельности. При этом речь шла о простой или стихийной работе ума на уровне здравого смысла, где количество знаний должно естественным образом перейти в качество и надо лишь быть вдумчивым и очень хотеть достичь истины. Этап превращения естественной мудрости и здравого смысла в этап мудрости искусственной и технологизированной наступает тогда, когда размышление поднимается до уровня теоретического обобщения и поиска закономерностей, что позволяет перейти от древнего искусства разгадывания загадок к максимально точному и строгому научному прогнозированию с целью принятия соответствующих мер для достижения желаемого результата или же для предотвращения результата нежелательного.

Тезис К. Маркса о несводимости понятия общества к понятию группы людей как к родовому привел к важным следствиям в области онтологии. Стало ясно, что общество — это особая реальность, которая одновременно находится и «вокруг» человека, и «внутри» него, и «меж-

ду» ним и другими людьми, а сам человек есть одновременно и часть общества, и то, что ему «противостоит» в концептуальной оппозиции «индивид — общество». Общество детерминирует деятельность индивида, ограничивает и сдерживает его волю, но оно же является той внешней по отношению к человеку силой, которая заставляет его действовать определенным образом и в определенном направлении. Система целей, ценностей и значений, которая задает общество, не только придает смысл человеческим действиям, но и может лишить их такового. Общество оказывается и объективной, и субъективной реальностью одновременно, и эта реальность определяется как система отношений. Понимание первичности отношений между людьми в определении природы социального позднее легло в основу многочисленных системных теорий общества, и в частности системно-институциональных, а позднее и структурно-функционалистских социологических концепций.

Особую проблему составляет сегодня для историков науки оценка тех революционных изменений, которые произошли в XIX в. в области правопонимания. Благодаря рождению научной теории общества, то есть теории общества как коммуникативной реальности, появились новые возможности, а с ними пришли и новые трудности. Идея истолкования права как феномена социальной природы позволила перестроить фундамент теории права на социологической основе. Так возникла не только социология права, но и социологические теории права, объясняющие право как неотъемлемый элемент социальных отношений. Уже у Гегеля мы находим в зародыше идею права как формы общественного сознания, подхваченную затем марксистами и пополнившую концептуальный каркас исторического материализма. Тем самым правовое знание было накрепко привязано к теории управления, а правовое регулирование получило статус одного из инструментов управления обществом.

Главный вектор изменений — включение правовой реальности в качестве подсистемы

в систему общества как в реальность более высокого. Если не вообще глобального уровня. «Есть достаточные основания полагать, — пишет С. С. Алексеев, — что право с точки зрения современных философских представлений выступает главным образом в качестве непрерывно действующего механизма воспроизводства общих условий существования общества, его устойчивости, стабильности, упорядоченности»¹¹. Утверждая это, С. С. Алексеев подчеркивает тем самым, что право создает общество, ибо создавать условия его воспроизводства — значит создавать и само это явление. На первый взгляд может показаться, что данная интерпретация переворачивает отношение между обществом и правом. Но это предположение опровергается дальнейшими рассуждениями названного теоретика: «Рассмотрение права с указанных позиций позволяет увидеть в нем социальное образование, обеспечивающее такую непрерывную динамику функционирования общества, при которой достигается постоянное и стабильное воспроизводство и, следовательно, сохранение и утверждение (своего рода “увекочение”) выраженных в праве социальных ценностей, условий и механизмов функционирования общества».

Подводя итоги, можно отметить, что идея влияния на жизнь людей не нова. Изменить общество можно, изменив какие-то важные представления, верования или ритуалы, что в доисторическую эпоху казалось равносильным уничтожению этого самого общества. Именно этим и было вызвано нежелание их изменять и, наоборот, стремление к их сохранению. И сегодня нередко можно узнать о том, что отдельные люди и целые коллективы готовы скрывать достоверную информацию, всячески препятствовать ее распространению и даже лжесвидетельствовать во имя сохранения социального порядка и продолжения обычного течения жизни. Именно это является социокультурным кодом традиционного общества, и все известные случаи его изменения в древности и Средневековье были связаны либо с распространением новой религии, либо с иными радикальными

¹¹ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М. : Норма, 2001. С. 55.

переменами в административно-политической или этнокультурной сфере жизни региона. Поэтому первые шаги в развитии теории и практики социальных технологий также были связаны с изменением политики на государственном уровне или же с разрушением существующего государства революционным путем.

Реинтерпретация правовых отношений и права в целом в терминах социально-философских и социологических теорий не только создали условия для рассмотрения того же уголовного процесса в качестве социальной технологии, что само по себе достаточно революционно. Сведение правовых явлений к социальным заставило по-новому взглянуть на соотношение формального и содержательного в уголовно-правовом доказывании, в разделе-

нии функций и инстанций судопроизводства, в самом представлении об основаниях и обоснованности судебных решений, а также в понимании природы и функций судебной власти. Захватившая все стороны жизни человека и общества цифровизация не оставила в стороне и правоприменительные практики, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства. Интеллектуальные технологии способны дополнить и изменить технологии социальные, а в отдельных случаях могут и вытеснить последние, замещать отдельные их элементы, в связи с чем возникает потребность все нового и нового возвращения к истокам социально-философского рассмотрения общества как коммуникации, а уголовного процесса как особого рода социальной технологии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Теория права. — М. : Бек, 1995. — 320 с.
2. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. — М. : Норма, 2001. — 752 с.
3. Аристотель. Сочинения : в 4 т. — М. : Мысль, 1984. — Т. 4. — 830 с.
4. Бентам И. Введение в основания нравственности законодательств // Избранные сочинения Иеремии Бентама. — СПб., 1867. — Т. 1 : Введение в основания нравственности и законодательства. — С. 319—320.
5. Воскобитова Л. А., Пржиленский В. И. Социальные технологии и юридическое познание : монография. — М. : Норма : Инфра-М, 2017. — 176 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. — СПб. : Наука, 2000.
7. Захарова М. В. Российская правовая система: проблемы идентификации и развития // Lex Russica. — 2008. — Т. 67. — № 2. — С. 243—259.
8. Конт О. Курс позитивной философии. — Ростов н/Д : Феникс, 2003. — 256 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 46. — Ч. 1.
10. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. — М., 1955—1981. — Т. 3. — С. 1—4.
11. Новая философская энциклопедия : в 4 т. — М. : Мысль, 2010.
12. Пржиленская И. Б. Жизненный мир и целевые установки российских студентов // Ценности и смыслы. — 2016. — № 4 (44). — С. 22—29.
13. Пржиленская И. Б. Информационное общество и социальная модернизация // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2006. — № 3 (22). — С. 14—18.
14. Сергодеева Е. А. Рациональность современного философского дискурса // Гуманитарные и юридические исследования. — 2014. — № 2. — С. 135—138.
15. Сергодеева Е. А. Социально-коммуникативный характер научной деятельности // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. — 2014. — № 6 (45). — С. 314—317.
16. Przhilenskiy V., Zakharova M. Which way is the Russian double-headed eagle looking? // Russian Law Journal. — 2016. — № 4 (2). — P. 6—25.
17. Zakharova M., Przhilenskiy V. Two Portraits on the Background of the Revolution: Pitirim Sorokin and Mikhail Reisner // Russian Law Journal. — 2017. — № 5(4). — P. 193—212.

Материал поступил в редакцию 20 октября 2018 г.

THE COMMUNICATIVE THEORY OF THE SOCIETY: SOCIO-TECHNOLOGICAL AND LAW ENFORCEMENT CONTEXTS¹²

PRZHILENSKIY Vladimir Igorevich, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Sociology of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
vladprnow@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

LAZA Valentina Dmitrievna, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of World Culture of the Moscow State Linguistic University
laza69@mail.ru
119034, Russia, Moscow, ul. Ostozhenka, d. 38, str. 1

Abstract. *The article dwells on the causes and objectives of the emergence and evolution of the communicative theory of the society as a theory that allows not only to predict the development of the society, but also to manage social processes. Law enforcement system in general, and in criminal proceedings in particular, had been formed long before the emergence of this theory. But after the society was defined as a type of communication in the theory, the conditions for a truly scientific technologization of criminal proceedings were created: in fact, the whole theory of law was rebuilt in compliance with a new understanding of the phenomenon of sociality. Today, in the age of total digitalization of social and legal and law enforcement practices, the topic of the origins of the communicative theory of the society is actualized in a new way.*

The article analyzes the key elements of social and philosophical conceptualization of social processes and phenomena, compares the models of society proposed by O. Comte and K. Marx, whose works described the conditions for the presentation of the society as a reality. The author substantiates the statement that the alternative ways proposed by two theorists to explain social development as a function of “knowledge” or as a derivative of “social production” equally depend on the understanding of a person as a “set of social relations.” Particular attention is paid to the new opportunities opened up to theorists and philosophers in explaining the nature and functions of law in connection with the creation of the communicative theory of society. The article shows a fundamental difference in the understanding of law in the era preceding the development of sociology, and during the active interaction of legal theorists with the community of philosophers and sociologists. The author reconstructs a set of ontological assumptions that allow considering law as “a reproduction of the general conditions of the society existence” and make it possible to include the system of law in the system of social relations as a subsystem.

Keywords: *social attitude, social reality, communication, law, system, administration.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Alekseev S. S. Teoriya prava.* — М. : Bek, 1995. — 320 s.
2. *Alekseev S. S. Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya.* — М. : Norma, 2001. — 752 s.
3. *Aristotel'.* Sochineniya : v 4 t. — М. : Mysl', 1984. — Т. 4. — 830 s.
4. *Bentam I. Vvedenie v osnovaniya npravstvennosti zakonodatel'stv // Izbrannye sochineniya Ieremii Bentama.* — SPb., 1867. — Т. 1 : Vvedenie v osnovaniya npravstvennosti i zakonodatel'stva. — S. 319—320.

¹² The research was carried out within the framework of the study “Transformation of the foundations of criminal proceedings in the development of digital technologies: concepts of social technology, proving and ensuring the rights of participants in the process” under the support of the Russian Foundation for Fundamental Research 18-29-16041. MK.

5. Voskobitova L. A., Przhilenskiy V. I. Sotsial'nye tekhnologii i yuridicheskoe poznanie : monografiya. — M. : Norma : Infra-M, 2017. — 176 s.
6. Gegeľ G. V. F. Lektsii po filosofii istorii. — SPb. : Nauka, 2000.
7. Zakharova M. V. Rossiyskaya pravovaya sistema: problemy identifikatsii i razvitiya // Lex Russica. — 2008. — Т. 67. — № 2. — S. 243—259.
8. Kont O. Kurs pozitivnoy filosofii. — Rostov n/D : Feniks, 2003. — 256 s.
9. Marks K., Engel's F. Soch. — Т. 46. — Ch. 1.
10. Marks K. Tezisy o Feyerbakhe // Marks K., Engel's F. Soch. : v 50 t. — M., 1955—1981. — Т. 3. — S. 1—4.
11. Novaya filosofskaya entsiklopediya : v 4 t. — M. : Mysl', 2010.
12. Przhilenskaya I. B. Zhiznenniy mir i tselevye ustanovki rossiyskikh studentov // Tsennosti i smysly. — 2016. — № 4 (44). — S. 22—29.
13. Przhilenskaya I. B. Informatsionnoe obshchestvo i sotsial'naya modernizatsiya // Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki. — 2006. — № 3 (22). — S. 14—18.
14. Sergodeeva E. A. Ratsional'nost' sovremennogo filosofskogo diskursa // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. — 2014. — № 2. — S. 135—138.
15. Sergodeeva E. A. Sotsial'no-kommunikativniy kharakter nauchnoy deyatel'nosti // Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. — 2014. — № 6 (45). — S. 314—317.